

изучали русский язык, арифметику, но и некоторые ремесла. Все школы содержались за счет православной миссии, дети жили в интернатах. По словам пожилых ульчей, с которыми мы встречались в 1950—60-х годах, полученные ими знания счета, языка, письма в этих школах пригодились им в жизни. О школах тех лет все вспоминали с большой теплотой. Тесное общение с русскими с детских лет оказывало на ульчей большое влияние.

В заключение отметим, что не все задачи, поставленные во «Введении» (с. 6) выполнены; в вопросах взаимоотношений ульчей с русским населением — авторы указывают на заимствование ульчами достижений русской культуры (с. 159) и упускают из вида, что в XIX в. русские, селявшиеся рядом с ними, многое взяли из традиционной культуры местных рыбаков и охотников.

Нельзя не отметить также, что селения ульчей располагались преимущественно по берегам Амура, а не озер и проток (с. 3—4). Тут же имеет место путаница со старинными названиями селений ульчей и их местоположением.

Два замечания сделаем к разделу Е. В. Шаньшиной «История изучения ульчей»: знаменитый японский автор Мамия Ринзоо назван здесь человеком, сообщавшим «со слов других наблюдателей сведения об обитавших на Нижнем Амуре ульчах» (с. 8). Это не так: путешественник в 1809 г. сам наблюдал жизнь аборигенов на Амуре и оставил блестящее описание своего странствия с Сахалина в Дерен на Амуре, близ озера Кизи.

Возникает недоумение и по поводу сообщения В. К. Арсеньева об ульчах, живших в Де-Кастри. «Правильное объяснение Этнонима ульчи дал впервые В. К. Арсеньев, считавший, что этот этноним является названием одного ульчского рода ороковского происхождения, что подтвердилось впоследствии исследованиями А. В. Смоляк» (с. 9). И тут тоже своеобразный «научный ребус» или фантазия: В. К. Арсеньев, встретивший жившую в Де-Кастри семью, кроме того, что это были ульчи — не сообщает ни слова о происхождении этих людей или их родовой принадлежности, не упоминает и об ороках; он констатирует лишь факт, что ему встретилась эта семья ульчей и более об этом не говорит ни слова. Ему была неважна национальность случайно встреченных людей. Непонятно, зачем было приписывать ему чуждые для него интересы?

В книге 1994 г. поразительно много опечаток. Особенно досадно, когда они касаются ульчских названий — предметов, родов, имен и фамилий и т. п., а также географических наименований.

Примечания

¹ Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М. 1966.

² Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Сер. XIX — нач. XX в. М. 1975.

³ Смоляк А. В. Ульчи. С. 60, 62 и др.

⁴ Там же. С. 16—25 и др.

⁵ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура у народов Нижнего Амура и Сахалина (этногенетический аспект). М. 1984. С. 148—149, 244.

⁶ Общественные отношения у народов Северной Сибири. М. 1979.

⁷ Смоляк А. В. Этнические процессы...; *её же*. Народы Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М. 1982; *её же*. Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина. М. 1990; *eadem*. Le regime Social chez les peuples de l'Amur en ferieur aux XIX-e debut du XX-t siecles (A propos de la communaute territoriale) // Ethnologie et anthropogeographie arctiques publies sous la direction de Jean Malaurie. P., 1986. P. 83—95. *eadem*. Problems of Ethnogenesis and Social History of the Aborigines of the Amur Basin and Sakhalin // 80-th International Abashiri Symposium: Peoples and Cultures of the Boreal Forest., Abashiri, Hokkaido, 1994.

⁸ Смоляк А. В. Ульчи. С. 20, 24 и др.

Смоляк А. В.

© 1996 г., ЭО, N 3

Б. А. Калоев. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995. 245 с.

Книга Б. А. Калоева «Моздокские осетины» — результат многолетнего труда ученого. Достаточно сказать, что путь Б. А. Калоева в науку начался именно с историко-этнографического исследования моздокских осетин: им была посвящена кандидатская диссертация молодого ученого, защищенная в 1951 году в Институте этнографии АН СССР, аспирантом которого он стал в 1946 г., демобилизовавшись из армии. Впоследствии, занимаясь различными проблемами этнографии народов Северного Кавказа, Б. А. Калоев продолжал скрупулезно собирать и изучать материалы по истории и этнографии моздокских осетин, представляющих в силу ряда факторов исторического характера довольно самобытную часть осетинского этноса.

Новая книга Б. А. Калоева¹ делится условно на две части — историческую и этнографическую, состоящие соответственно из двух и пяти глав. Говорим условно, так как в этнографической части содержится достаточное количество и «чисто исторического» материала по моздокским осетинам.

Первая глава книги — «Из истории Моздока» — посвящена наиболее ярким, сложным страницам истории города — крепости на Терекке, ставшего с момента своего основания (1763 г.) одним из важнейших военно-стратегических, торговых и административных центров России на Кавказе, каковым Моздок оставался до начала середины XIX столетия. Отмечая огромную роль Моздока в политике российского правительства тех лет на Кавказе, автор основное внимание уделяет раскрытию роли Моздока в истории осетинского народа. Именно в Моздоке и его окрестностях уже через год после основания крепости начали селиться первые осетины — переселенцы из горных ущелий Осетии, была открыта Моздокская осетинская школа (1764 г.), сыгравшая значительную роль как в деле распространения грамотности среди осетин, так и в деле дальнейшего переселения их с гор в моздокские степи. Наконец, в Моздоке успешно завершились многолетние переговоры о добровольном вхождении Осетии в состав России (1774 г.).

Отдельные страницы указанной главы посвящены деятельности Осетинской духовной комиссии, созданной российским правительством в 1744 г. с целью приобщения осетин к христианству и привлечения их на сторону России. Эта комиссия, особенно после перевода ее в 1770 г. из Кизляра в Моздок, сыграла существенную роль не только в христианизацию ряда осетинских обществ, но и переселении горцев-осетин в Моздок. Успешная деятельность Осетинской духовной комиссии в деле христианизации горцев, а также учреждение в Моздоке в 1793 г. епископской кафедры (епархии), сделало Моздок центром православного христианства на Кавказе. Б. А. Калоев приводит интересные сведения о строительстве в Моздоке в 1797 г. специально для крещения горцев (осетин и кабардинцев) деревянной церкви во имя Успения Божией матери, в которой хранилась христианская святая икона — Иверская икона Божией матери, подаренная грузинской царшей Тамарой осетинам Куртатинского ущелья и перевезенная ими в 1794 г. в Моздок. В 1890 г. специально для этой иконы был построен в Моздоке величественный Успенский собор, являвшийся одним из самых значительных храмов России.

Во второй главе «Моздокские осетины: исторический очерк» автор проследживает историю поселения различных групп осетин в Моздоке и моздокских степях. В силу особенностей характера расселения они делятся на три группы. Первые осетины, появившиеся здесь уже в 1764 г. назывались цъайтае. Этот термин произошел от осетинского слова «цъайта» — колодцы, которые осетины — переселенцы копали на месте своих будущих поселений — хуторов. «Самое место поселения, — пишет Б. А. Калоев, — эта группа осетин называла по-осетински «цъайт» и себя они стали называть не осетинами, а «цъайта». Как отмечает автор, осетины-цъайта отличались от более поздних осетин-переселенцев тем, что они являлись выходцами практически из всех ущелий Осетии. Однако наиболее многочисленными среди них были выходцы из Куртатинского и Тагаурского ущелий, где более активно проходила деятельность членов Осетинской духовной комиссии. Среди первых хуторов-цъайта, возникших в моздокских степях во второй половине XVIII столетия, были хутора Бугулов, Дзадзиев и Качаев, основанные выходцами из селений Бугултыкау и Борзикау Куртатинского ущелья Панкратом Бугуловым, Василием Дзадзиевым и Василием Качаевым. Осетинами-цъайта, как первые осетинские поселенцы в Моздоке, указывает Б. А. Калоев, играли важную роль в развитии русско-осетинских отношений, являясь связующим звеном между российским правительством и осетинами, живущими в горах.

Осетины, переселившиеся в начале XIX столетия в моздокские степи из Дигорского ущелья и расселившиеся у одного из рукавов Терека в 25 км от Моздока, получили от названия этого рукава имя Ерашты, или Дзерашты. Осетины-ерашты основали два поселения — Черноярское и Ново-Осетинское. Первое было основано в 1804 г. братьями Кургосовыми — офицером русской армии Тасурко и священником Алексеем. Второе — в 1811 г. — выходцами из селения Масыгка Дигорского ущелья. Б. А. Калоев приводит в своей книге ряд интересных документов, касающихся истории появления в моздокских степях осетин-дигорцев. Особый интерес для читателей, на наш взгляд, представляют два рапорта — рапорт генерала Глазенапа на имя главнокомандующего русской армией на Кавказе князя Цицианова от 30 мая 1804 г. и рапорт генерала Булгакова на имя наместника на Кавказе Торماسова от 18 мая 1810 г., в которых говорится о просьбе дигорских осетин поселиться на Кавказской кордонной линии вблизи Моздока и нести казацкую службу. Как свидетельствует история, просьба осетин-дигорцев была удовлетворена как в плане представления им земель вблизи Моздока, так и в плане включения их в последующем в казацкое сословие. В 1824 г. осетины-ерашты, несшие внутреннюю службу на Кавказской линии, были переведены в казацкое сословие, а их поселения — Черноярское и Ново-Осетинское — получили статус казацких станиц. Позднее в указанные станицы переселились и несколько семей осетин-вронцев из Алагирского ущелья — Балаевы, Латышевы (Тотиевы), Цаллаговы и некоторые другие.

Большой интерес читателей вызовут и страницы из истории осетинского казачества, проявившего исключительную доблесть и отвагу во всех военных кампаниях России и давшего ей немало число генералов и офицеров, умноживших славу русского оружия. Среди них генералы К. Занкисов, Э. Мистулов, З. Тургиев, К. Агоев, полковники — И. Тускаев, С. Елбаев, А. Мистулов, войсковые старшины — К. Тургиев, М. Тургиев, Т. Тургиев, З. Валиев, И. Гуржибеков, полковники — В. Тускаев, М. Хорув, Е. Гокьянев, С. Темирканов и многие другие.

В этой же главе Б. А. Калоев, ссылаясь на ряд архивных материалов, приводит весьма любопытные сведения о неудавшейся попытке генерала Ермблова и его преемников на посту наместника Кавказа включить в казацкое сословие осетин-цъайта и кабардинцев, а также о причастности к разрешению этого вопроса императора Николая I, поставившего последнюю точку в более чем двадцатилетней — с 1824 по 1845 гг. — тяжбе осетин-цъайта и кабардинцев с военной администрацией России на Кавказе.

Третью группу моздокских осетин составляют наиболее поздние переселенцы — выходцы в

основном из Алагирского и Куртатинского ущелий, основанные в 1896 и 1906 гг. в 3—5 км от Моздока два хутора — Веселый и Ново-Георгиевский, разросшиеся позднее в селения. Эта часть осетин называется себя «весойлаптагæ» (от первого поселения — хутора Веселый), или «ирадтагæ» (осетины). Первый хутор был основан выходцами из Куртатинского ущелья Гуриевыми и Алагирского ущелья — Гасиевыми.

Остальные пять глав книги Б. А. Калоева посвящены этнографии моздокских осетин. В них на основе большого полевого этнографического материала и архивных данных, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, рассматриваются отдельные стороны хозяйственной деятельности и материальной культуры различных групп моздокских осетин, их семейный быт и общественные отношения, религиозные верования и духовная культура. При этом основное внимание автора уделено особенностям культуры и быта моздокских осетин, не характерным для основной массы осетинского этноса. Так, в третьей главе «Хозяйство и хозяйственный быт» исследуется характер землевладения и землепользования у различных групп моздокских осетин, специфика их земледелия и скотоводства. В этой же главе рассмотрены основные крестьянские промыслы и хозяйственные занятия моздокских осетин — суконное и войлочное производство, обработка овчины и кожи, шелкообработывающий промысел, извоз, отходничество и другие виды занятий.

В четвертой главе «Материальная культура» анализируется характер расселения различных групп моздокских осетин, типы поселений и жилища, элементы (традиционные и новационные) внутреннего убранства жилища. Значительное место в этой главе отведено и таким традиционным элементам материальной культуры как пища и одежда (мужская, женская и детская, праздничная и траурная).

Наиболее интересной, на наш взгляд, является пятая глава «Семейная и общественная жизнь». Открывается она рассмотрением одного из важнейших социальных институтов традиционного осетинского общества — «стыр бинонтæгæ» — большой семьи или семейной общины у моздокских осетин. Отмечая наличие большой семьи у всех групп моздокских осетин, Б. А. Калоев указывает, что большие семьи были присущи в основном осетинам-цъайта, что было обусловлено их крупным многоотраслевым хозяйством, требовавшим консолидированного труда значительного числа работников. Исследуя характер функционирования большой семьи у различных групп моздокских осетин, автор отмечает, что у осетин-ерашти и ирадта она имела демократическое управление (власть главы большой семьи ограничивалась семейным советом), а у осетин-цъайта — деспотическое (власть главы большой семьи была неограниченной). Различной у отдельных групп моздокских осетин была и форма наследования власти главы большой семьи: Если у осетин-ерашти и ирадта существовала «общеосетинская» форма наследования власти (от брата к брату, от отца к сыну), то у осетин-цъайта существовала иная, нетрадиционная форма наследования: глава большой семьи перед смертью сам назначал своего преемника, которым далеко не всегда становился его младший брат или старший сын.

Большой интерес читателю привлекут разделы пятой главы, в которых рассматриваются свадебная, родильная, семейная и похоронно-поминальная обрядность моздокских осетин и ее отличительные от традиционной обрядности особенности. Среди «моздокских» особенностей Б. А. Калоев отмечает, в частности, наличие в свадебной обрядности осетин-цъайта и осетин-ерашти обряда венчания, чего не было у ирадта и горных осетин, утрату ими ряда традиционных элементов семейной и свадебной обрядности и заимствование отдельных элементов свадебной обрядности у живущих рядом с ними кабардинцев и грузин, тогда как ирадта, как более поздние переселенцы, продолжали оставаться ревностными блюстителями архаических форм семейной, свадебной и родильной обрядности. Закладывает указанным главу характеристика отдельных сторон общественной жизни моздокских осетин, в том числе таких традиционных институтов осетинского общества, как обычай гостеприимства, обычай куначества и атыльчества, обычай кровной мести и примирения.

В шестой главе «Религиозные верования» Б. А. Калоев возвращается к более подробному (в отличие от первой главы) освещению деятельности Осетинской духовной комиссии, истории строительства в Моздоке Успенского собора и его роли в жизни моздокских осетин. «Успенский собор, — отмечает автор, — был религиозным центром моздокских осетин, и особенно осетин-цъайта, у которых ни одного общественного и семейного торжества не обходилось без Мады Майрами дзуар (осетинское название Успенского собора — А. Д.). Цъайта даже из самых отдаленных хуторов совершали здесь обряды: венчания, крещения, панихиду». В то же время, как пишет далее Б. А. Калоев, моздокские осетины, несмотря на сильное влияние христианства, продолжали сохранять народные верования, связанные с различными сторонами их семейной, общественной и хозяйственной жизни. Не останавливая своего внимания на всех дохристианских верованиях моздокских осетин и связанных с этими верованиями празднествах, отметим, что читателям книги небезынтересно будет познакомиться с описанием таких земледельческих праздников, как «Уалити кувд», отмечавшийся осетинами-ерашти, «Рекомы бæ рагбон» и «Хъызлары Уастырджы барæгбон», отмечавшийся осетинами-цъайта, а также других празднеств, связанных с отправлением общеосетинских, общеуэльских, родовых и семейных култов.

В последней, седьмой главе «Просвещение и духовная культура» значительное внимание уделено истории просвещения у осетин, у истоков которого стояла Моздокская осетинская школа, в определенной степени, Астраханская духовная семинария, в которой учились многие выпускники Моздокской осетинской школы. Выпускники указанных заведений, становясь священниками, учителями, переводчиками и офицерами русской армии, способствовали дальнейшему распространению христианства и грамотности в Осетии. В этой же главе Б. А. Калоев приводит некоторые биографические данные из жизни наиболее известных моздокских осетин, внесших заметный вклад в культуру своего народа. Среди них Павел Генцауров — составитель и переводчик на осетинский язык

первой осетинской печатной книги «Начальное учение человеком, хотаячи учитися книг божественно-го писания», изданной Московской синодальной конторой в 1798 г., Бланика Гуржибеков — поэт и офицер (погиб на русско-японской войне 1904—1905 гг.), Захар Сосиев — казачий офицер (войсковой старшина — подполковник) и талантливый этнограф, Сослан Темирканов — талантливый публицист и литератор, историк и офицер (участник 1-й мировой войны, подполковник, кавалер многих боевых орденов), Борис Галаев — первый осетинский профессиональный композитор, Андрей Гулуев — известный осетинский поэт, Хаджи-Мурат Мугуев — офицер (участник трех войн — двух мировых и гражданской) и известный писатель.

Написанная строгим академическим языком, снабженная большим количеством иллюстративного материала, книга Б. А. Калоева «Моздокские осетины» являет собой значительный вклад в осетиноведение и в кавказоведение в целом.

Примечания

¹ К сведению читателей: в 1993 г. в изд-ве «Наука» вышел многолетний труд Б. А. Калоева «Скотоводство народов Кавказа с древнейших времен до XX в.» (227 с.), снабженный иллюстрациями, картами, таблицами.

А. Б. Дзадзиев

© 1996 г., ЭО, № 3

Н. Н. Грацианская. Словаки. К проблемам этнокультурной истории. М., 1994. 204 с.

Наша научная литература обогатилась интересной книгой. Ее автор — Н. Н. Грацианская, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, крупнейший специалист в своей области, она широко известна своими исследованиями всем тем, кто занимается не только этнографией, но и историей славянских народов Центральноевропейского региона.

В книге освещаются проблемы, ранее не исследовавшиеся в нашей науке. Автор впервые прослеживает этнокультурные аспекты формирования и консолидации словацкого этноса на широком фоне его истории с древнейших времен до наших дней и представляет сводное историко-этнографическое исследование о словаках. Труд состоит из введения и двух глав. В первой, на наш взгляд, ценной не только для этнографов, представлен очерк этногенеза и этнополитической истории словаков. Вторая глава посвящена бытовой культуре словаков с конца XIX до середины XX в. Каждая глава снабжена обширным списком специальной и имеющей отношение к теме литературы. К книге приложено 18 страниц иллюстраций: типы поселений и отдельных домов, одежды, женских причесок и головных уборов, карта административного деления этнической территории словаков в 1867—1922 гг. и др. Много интересных сведений читатель получит и из введения.

Первая часть книги, где рассматриваются этногенез и этнополитическая история словаков, начинается с обзора литературы по этим вопросам. Коротко изложив мнения чешских ученых и специалистов других стран относительно происхождения и расселения словаков, бытовавшие до второй мировой войны, автор далее излагает новую точку зрения по этому вопросу, основанную на результатах археологических, лингвистических и исторических исследований. Авторы новой концепции считают, что славяне расселились в Словакию в разное время несколькими потоками, а не единым, как полагали прежде. Первая волна появляется уже в середине V в. Позднее вместе с аварами приходит и новый поток славян. Таким образом, раннеславянское население Словакии принадлежало к различным этноплеменным группам. Различными были, как полагают ныне ученые, и направления колонизационных потоков — не только через Моравские ворота с запада, но и через карпатские перевалы с востока (с. 25). Н. Н. Грацианская придерживается также новой точки зрения на местонахождение государства Само, которое, по ее мнению, размещалось на юго-западе Словакии, в то время как раньше среди историков существовало мнение, что ядро союза славянских племен, возглавлявшегося Само, было на территории Чехии. Новая точка зрения по этому вопросу уже давно развивается словацкими учеными, и, на наш взгляд, Н. Н. Грацианской следовало бы ее обосновать, так как у русских ученых она пока еще не получила признания. Также и местонахождение Великоморавского государства словацкие ученые относят теперь к южнославянским областям, в то время как более ранняя, а также и современная чешская литература считают ядром государства Моравию. Этот вопрос и связанная с ним проблема зарождения моравской этнической общности вызывают в литературе большую дискуссию, которая подробно излагается в рецензируемой книге. Нельзя не согласиться с Н. Н. Грацианской, что соответствующие

* См.: Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии (к истории этнического развития). М., 1975; *её же*. Чехи и словаки // Брак и формы его заключения у народов зарубежной Европы. М., 1988. Имеется и ряд других работ Н. Н. Грацианской, упомянутых, в частности, на с. 5 рецензируемой книги.